

Мегамашина как форма социальной устойчивости

Статья посвящена рассмотрению проблемы социальной устойчивости сквозь призму механических и стохастических принципов организации общества. Социальная устойчивость рассматривается как способность общества сохраняться в многообразии общественной жизнедеятельности.

Ключевые слова: *устойчивость, социальная организация, мегамашина.*

Человек, познавая мир, по устройству своего мышления ищет устойчивое, неизменное, прогнозируемое. Обнаруживая искомое, он конструирует образ мира, ориентируясь на некоторые освоенные им системообразующие принципы. Познанное и осмысленное реализуют себя в способах деятельности человека, в принципах организации социума, в культуре. По мере продвижения человека в его познавательной активности меняются представления о принципах организации окружающей реальности, в том числе и социальной. Отсюда – вечная значимость проблем достижения общественного порядка, устойчивости социальных объединений, предупреждения и предотвращения хаотических процессов в жизнедеятельности общества.

Так, в традиционном обществе источником социальной устойчивости выступают заранее известные легитимные носители политической власти. Эта стабильность, а значит – надежность и прогнозируемость политической системы обеспечивается наследственными механизмами передачи власти в жестко дифференцированном обществе, где каждой страте предписано определенное социальное назначение. В обществе модерна существует выбор (у истории и электората) между претендентами на власть (партиями, депутатами, кандидатами в президенты), а также их программами укрепления социальной стабильности и развития сообщества. Массовый избиратель своей коллективной волей (не сводимой, как известно, к индивидуальным волям) обеспечивает претендента кредитом доверия, рассчитывая на весьма отсроченный и опосредованный результат политических действий своего избранника. Фактически, жизнедеятельность традиционного общества, в том числе и политика, подчинена законам жесткого детерминизма, а модернизированные общества в своем функционировании обнаруживают действие стохастических принципов, допускающих риск и неопределенность не в качестве социальной аномалии, а в качестве естественного хода развития политических событий.

Обозначением строгого механистического детерминизма может служить понятие мегамашины, введенное американским социальным философом Льюисом Мэмфордом как метафорическое обозначение модели устойчивого функционирования общества. Термин выбран философом не случайно, так как описанный тип организации общества послужил, по мнению Л. Мэмфорда, своеобразным образцом для конструирования «всех позднейших сложных машин, хотя постепенно акцент смещался с человеческих рабочих звеньев на более надежные механические элементы» [5, с. 159]. В своих рассуждениях по поводу термина Л. Мэмфорд апеллирует к классическому определению машины по Францу Рело: «сочетание сопротивляющихся частей, каждой из которых отводится особая функция, действующее при участии человека для использования энергии и для совершения работы» [5, с. 160]. Исходя из этого наиболее распространенную в истории рабочую конструкцию общества можно называть машиной постольку, поскольку ее компоненты («пусть они состоят из человеческих костей, жил

и мускулов») сводились исключительно к механическим функциям и жестко подгонялись под выполнение строго ограниченных задач.

Специфика такого аппарата заключается прежде всего в масштабности целей, которые ставятся перед ним. К таковым уже в древнем мире относились: создание ирригационной системы и поддержание ее функционирования, строительство гигантских архитектурных сооружений, изменение облика освоенного географического пространства.

В связи с первой чертой стоит вторая характеристика мегамашины – ее собственная масштабность, многочисленность ее структурных единиц, их обезличенность. Для выполнения поставленных грандиозных задач требуется масса людей, отличающихся от ремесленников и земледельцев с их мелкообщинными традициями и интересами, собственными профессиональными навыками, личной гордостью и ответственностью. Гарантировать отсутствие естественных человеческих привязанностей и частных связей в идеальной машинной модели может отсутствие семей у персонала мегамашины. Л. Мэмфорд обозначает это как намеренную обезчеловеченность, проводя параллель с современными закрытыми сообществами, соблюдающими вынужденный целибат: армией, монастырями, тюрьмами. Такое сообщество может быть представлено исключительно в виде крупного объединения, так как требуемой степени обезличивания и десоциализации невозможно достичь в небольших социальных группах. С ходом истории в результате технического прогресса произошел перенос признаков машины с живых компонентов на неодушевленные детали, что подчеркивает универсальность самого принципа машинной организации.

В структуре рабочего механизма мегамашины – будь то производство или армия – отдельный человек не различим, важны лишь группы, отряды, цеха, которые дифференцируются по типу выполняемых задач. И это – следующий идентификационный признак рассматриваемой модели – разделение труда и отвлеченность человека от живого процесса развития собственной личности и общества, сосредоточенность индивида на узкой, механически разрешаемой задаче. Такое фокусирование на крайне ограниченном круге рабочих операций превращает деятельность работника, по словам Мэмфорда, «в одиночное заключение», приводит к «расчленению человека». С этого момента берет начало традиция считать всякий труд наносящим ущерб человеческому духу. Используемая терминология тем интереснее, чем больше ассоциаций вызывает с современными интерпретациями социального бытия современного человека. Так, в известном романе М. Уэльбека «Элементарные частицы» тема кризиса западной цивилизации, заката Европы развивается посредством мысли о распаде общества на элементарные единицы одиноких индивидов, и в итоге – о распаде и уничтожении самого человека как устойчивой целостности, его моральном разложении и растерянности.

Любопытен также факт подчеркиваемого самим Л. Мэмфордом несогласия с марксизмом, но параллели в понимании феномена капиталистического труда очевидны. В описании Мэмфордом участи работника лишь не звучит термин «отчуждение». Вероятно, эти параллели обусловлены общностью исследуемого объекта.

Масштабы рассматриваемой структуры обуславливают и принудительный характер функционирования звеньев мегамашины. Если «домашинные» сообщества обходились возможностями отдельных людей, способных самостоятельно в рамках обычной жизни общины выполнять широкий круг повседневных работ, то теперь «только цари, полагаясь на учение астрономической науки и опираясь на религиозные санкции, оказались способны собрать мегамашину и управлять ею. Это было незримое сооружение, состоявшее из живых, но пассивных человеческих деталей, каждой из которых предписывалась особая обязанность, роль и задача, чтобы вся громада коллективной

организации производила огромный объем работы и воплощала в жизнь великие замыслы» [5, с. 165]. Соответственно с ослаблением царской власти (в случае смерти владыки или поражения в битве и, как следствие, – утраты доверия народа) вся машина рушилась. Составлявшие ее элементы если не исчезали, то вновь образовывали меньшие объединения.

Жизнеспособность мегамашины во многом определялась безусловной мистикорелигиозной верой, усилиями жречества, которое в порядке взаимовыгодного сотрудничества с царем обеспечивали ему харизму, получая взамен гарантии своего благополучия.

Укрепление руководящей силы царя осуществлялось и самими результатами действия мегамашины, впечатлявшими ее производительную силу – подневольных рабочих. Благодаря из ряда вон выходящим возможностям этой организационной структуры, как замечает Л. Мэмфорд, были удовлетворены сокровенные чаяния и надежды, смелые желания людей вплоть до нашей эпохи. Обратной стороной медали стало возникновение жестокой системы, также лишавшей воли к деятельности и современных людей, вписанных в схему капиталистического производства. Кроме того, мрачная деталь, раскрывающая феноменальную особенность мегамашины, заключена в процессе массового уничтожения, осуществляемом ее силами.

Управление гигантским социальным механизмом, превращающим индивидуальности с их волями, привычными занятиями, различными интересами в «шестеренки», подразумевает наличие бюрократического аппарата, задача которого сводится к точному воспроизведению приказа и составлению отчета о происходящем на местах. Л. Мэмфорд отмечает, что чиновники, так же, как и рабочие, напрочь лишаемые индивидуальности, должны обладать способностью беспрекословного подчинения, и иллюстрирует это теоретическое указание любопытным фактом назначений на видные государственные посты в Древнем Риме рабов, обладавших в отличие от свободных граждан такой способностью. В рассуждениях о жесткой регламентации, на корню уничтожающей автономию и самоуправление, автор проводит аналогию с суровым внутренним порядком, используемым в психиатрии для уменьшения тревожности пациентов.

Отсутствие уравнивающей властное принуждение силы «обратной связи» – еще одна характеризующая деталь такого типа социальной устойчивости. Здесь недопустим плюрализм мнений, критическая оценка «царя» (как условно можно обозначить субъекта, наделенного в структуре мегамашины беспредельной властью). Здесь в принципе не может вестись речь о социальной устойчивости как результате равновесия общественных сил. В этом обнаруживается наибольшая угроза существования социума подобного типа: негибкая природа машинной структуры, подавление индивидуальной воли, одаренности лишает его возможностей развития. Конструкция мегамашины сделана для и из слабых людей, только посредством «умещаются» в установленном таким образом регламенте.

Ввиду имеющихся качеств возникает неизбежная перспектива разрушения мегамашины, на что в «Мифе машины» однозначно указывается: «Крушение пирамид наглядно показало, что мегамашина зиждется на человеческой вере, которая может угаснуть, на человеческих решениях, которые могут оказаться ошибочными, и на человеческом согласии, которое исчезает, если люди перестают верить в магию». Бессмысленно «насиленно выравнять человеческие различия и нивелировать человеческие реакции» [5, с. 194].

Таким образом, ключевыми идентификационными признаками мегамашины можно считать:

- 1) масштабность выполняемых задач и соответственно огромное количество задействованных трудовых ресурсов;
- 2) масштабность мегамашин;
- 3) утрата полноты жизни людьми, составляющими механизм мегамашин;
- 4) разделение труда;
- 5) принудительный характер труда, подавляющего человеческий дух;
- 6) неограниченную власть «царя», узурпирующую волю людей, «комплектующих» собою механизм;
- 7) религиозные предписания и мистическую подоплеку, укрепляющие власть, которая инициирует работу мегамашин;
- 8) жесткий бюрократический аппарат, делающий возможным безоговорочное подчинение всего механизма одной воле без промедления;
- 9) общую регламентацию, не допускающую самоуправление;
- 10) неустойчивость мегамашин в перспективе.

Естественно, феномен мегамашин порожден самим ходом развития человечества. Ранние формы упорядочивания жизни общины – ритуал, обычай – получили свое исторически требуемое развитие в форме «большой машины». Если критическое осмысление «машинности» человеческой цивилизации, представленное в работах Мэмфорда, подкрепить синергетической методологией, то с необходимостью возникает вывод о бесперспективности подобного типа организации общества. Общество определенно являет собой сложную динамичную открытую систему, состоящую из множества непосредственно и опосредованно взаимодействующих подсистем, претерпевающую внутренние процессы развития, обменивающуюся с внешней средой (также изменчивой) веществом, энергией, информацией. Такие системы не подчиняются всецело механическим закономерностям. С онтологической точки зрения ни один объект высокого уровня организации бытия не может быть редуцирован к предыдущему, более низкому уровню.

В продолжение аналогий Л. Мэмфорда, основывающихся на машинной организации древних цивилизаций и капиталистического общества, а также замечаний о противоречии мегамашин самой природе человека, его онтологическим основам, резонно обратиться к рассуждениям Н.А. Бердяева, который писал в эмиграции: «Индустриально-капиталистическая цивилизация далеко ушла от всего онтологического, она антионтологична, она механистична, она создает лишь фикции... техничность и машинность этой цивилизации противоположны органичности, космичности и духовности всякого бытия...» [1. с. 171].

Преодоление машинного способа организации общества представляется, соответственно, в отказе от принципов мегамашин. Мэмфорд разводит тут понятия демократичного и тоталитарного вида техники, отдавая предпочтение первому. Демократия для него – это принцип, благоволящий целому, а не части, и наиболее удачно реализуемый в малых общинах, действующих на основе межличностных связей.

Вопреки достаточно распространенному мнению о долговечности якобы политически эффективных тоталитарных режимов, кажущаяся хрупкой демократия при всех ее недостатках оказывается более жизнестойкой ввиду способности быстрого реагирования на различные факторы своего существования. В этом смысле демократия в большей степени отвечает системной природе общества.

Существует общественная нужда в связующем звене между гражданами и властью, в легитимном ненасильственном способе корректировки официальной политики и смены власти в случае признания ее деятельности неэффективной для общества.

Именно эту нишу занимают различные по численности и отношению к власти гражданские объединения. Такое строение социально-политической системы позволяет ей гибко и достаточно быстро решать задачи своего существования и развития, делает ее мобильнее, «живее», чем неповоротливый механизм авторитарно-тоталитарных сообществ. Высокое качество жизни и социальные гарантии населения западных стран являют результат действия такой системы.

Конечно, идеализация морального потенциала демократического режима неуместна. Наивно полагать в нем окончательное утверждение свободы, равенства и братства. Как и при любом режиме управления, здесь имеет место подчас довольно острое противостояние власти и оппозиции. Но государство машинного типа организации использует в качестве единственного механизма реагирования на оппозицию ее немедленное подавление (по аналогии с закрытыми статичными системами, в которых новация грозит уничтожением или дисфункцией всей конструкции). Подхвативший было эту тенденцию у предшествующих сообществ капитализм во избежание революционных переворотов (на любой радикализм найдется другое не менее радикальное решение) допустил возможность постоянного существования в определенных оговоренных пределах активности оппозиционных сил, естественно, под контролем государства, как бы в соответствии с принципом удержания друзей близко, а врагов – еще ближе. Так в политической реальности реализуется онтологический принцип сохранения сложного системного объекта при способности последнего адаптироваться к постоянно изменяющейся внешней среде и внутрисистемным процессам. Иными словами, способность меняться повышает устойчивость объекта, обеспечивает сохранение его существования. Наличие политической оппозиции – обязательное условие демократического государства, где свобода слова обеспечивает легитимные и социально приемлемые условия борьбы мнений как источника, в свою очередь, развития и совершенствования общества.

С одной стороны, многообразие политических организаций позволяет народу страны изъяслять свою волю во внутривнутриполитическом пространстве. И здесь к тому же создается условие различения воли отдельных социальных групп, имеющих свое представительство в лице того или иного политического объединения, а значит, при грамотном поведении публичной власти эти различия будут препятствовать интеграции противников политического режима в единый оппозиционный фронт.

С другой стороны, оппозиция являет собой своеобразного, контролирующего власть и конкурирующего с ней коллективного субъекта, способствующего таким образом более результативным и общественно полезным результатам деятельности правящего субъекта, стремящегося, в свою очередь, сохранить доверие и поддержку электората (см. [3, 4]). Чем менее эффективна с точки зрения общественного благополучия деятельность представителей власти, тем больше шансов приобретения власти у оппозиции, способной предложить обществу удовлетворительные способы решения проблем.

Упомянутая конкуренция между политическими и общественными объединениями в конечном счете является конкуренцией социальных слоев населения, агональностью выражаемых ими интересов.

Обращаясь к анализу российской политической действительности, приходится констатировать, что политические процессы в отечественном социуме не соответствуют его системной природе.

В средствах массовой информации в конце 90-х гг. XX века – начале 2000-х гг. активно муссировалась и ныне упоминаемая готовность соотечественников сделать выбор между порядком (ассоциируемым с политической стабильностью) и развитием

(демократической модернизацией) в пользу порядка. Однако представляется недостаточно корректной сама постановка вопроса. Политический порядок и связанная с ним социальная устойчивость отнюдь не предполагают бессменность власти. Заморозить, сделать обездвиженной динамичную по своей природе систему – значит лишить ее функциональности. Устойчивость, стабильность существования самоорганизующейся системы отличается от устойчивости кристалла или механизма и проявляется в равномерном движении без заваливания по взятой траектории. Не может владелец автомобиля с высокими техническими показателями выбрать вместо хорошего скоростного режима пробуксовку.

В целом можно говорить о незавершенности начатых в российском обществе в 80-е гг. XX в. трансформационных процессов. Их завершение связывается с реализацией направлений политической модернизации, отвечающей требованию социальной устойчивости:

- 1) отказ от моноцентричной, «суперпрезидентской» формы правления, вертикализации и централизации власти в пользу регионализации и местного самоуправления;
- 2) обеспечение политической стабильности автономного типа, демократически согласующей максимально большое число социальных позиций в отличие от стабильности мобилизационной, предполагающей главенствующими интересы государства;
- 3) конструирование политической системы на основе трех обязательных составляющих – гражданского общества, политических партий, государственной власти, в которой именно общество «производит» партии и власть [2, с. 11].

Представленная позиция вполне согласуется с концепцией Л. Мэмфорда. Выстроенная властью по мегамашинному принципу стабильность достаточна собственно для удержания власти, но неприемлема для осуществления коренных реформ в стране, требующих такой стабильности, которая предполагает волю к переменам и реальную политическую конкуренцию.

Устойчивость социуму гарантируют не машинные принципы и бессменные чиновники, наделенные усилиями жречества (по принципу обоюдной выгоды) мистическим ореолом харизмы, а надежные принципы организации общественной жизнедеятельности в соответствии с культурно-историческими потребностями и интересами всех социальных субъектов.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 176 с.
2. Дорожкин Ю.Н. Актуальные проблемы модернизации политической системы России // Власть. 2012. № 10. С. 10–13.
3. Исаков А.И., Олейник А.В. Оппозиция и власть // Обозреватель – observer. 2009. № 11. С. 6–16.
4. Михайличенко И.В. Правовые проблемы участия оппозиции в формировании конкурентной партийной среды // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 4(219). Право. Вып. 27. С. 18–23.
5. Мэмфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М.: Логос, 2004. 284 с.

Rudi A. Sh. Megamachine as a Form of Social Stability. The article deals with the problem of social stability through the prism of mechanical and stochastic principles of social organization. Social sustainability is seen as society's ability to persist in a variety of public life.

Key words: *stability, social stability, megamachine.*

Руди Амина Шамильевна – кандидат философских наук, доцент кафедры «История, философия и культурология» ОмГУПС. Область научных интересов: онтология и теория познания, социальная философия. E-mail: amina_rudi@mail.ru